

АКТУАЛЬНОЕ

Спецпосланник США Джон Коул: "Если Лукашенко хочет, чтобы я называл политзаключенных кроликами – ради бога"

Артём Радыгин

17 сентября 2026 года 23:45 мск

Джон Коул и Артём Радыгин

Спецпосланник президента США Джон Коул в последние два года способствовал освобождению сотен белорусских политзаключенных. На этой неделе благодаря его посредничеству в Беларуси были освобождены 25 человек

Правозащитники настаивают: сотни белорусских политзаключенных по-прежнему остаются за решеткой. В их глазах Вашингтон, обменивающий неправомерно заключенных на смягчение западных санкций, способствует появлению в Беларуси

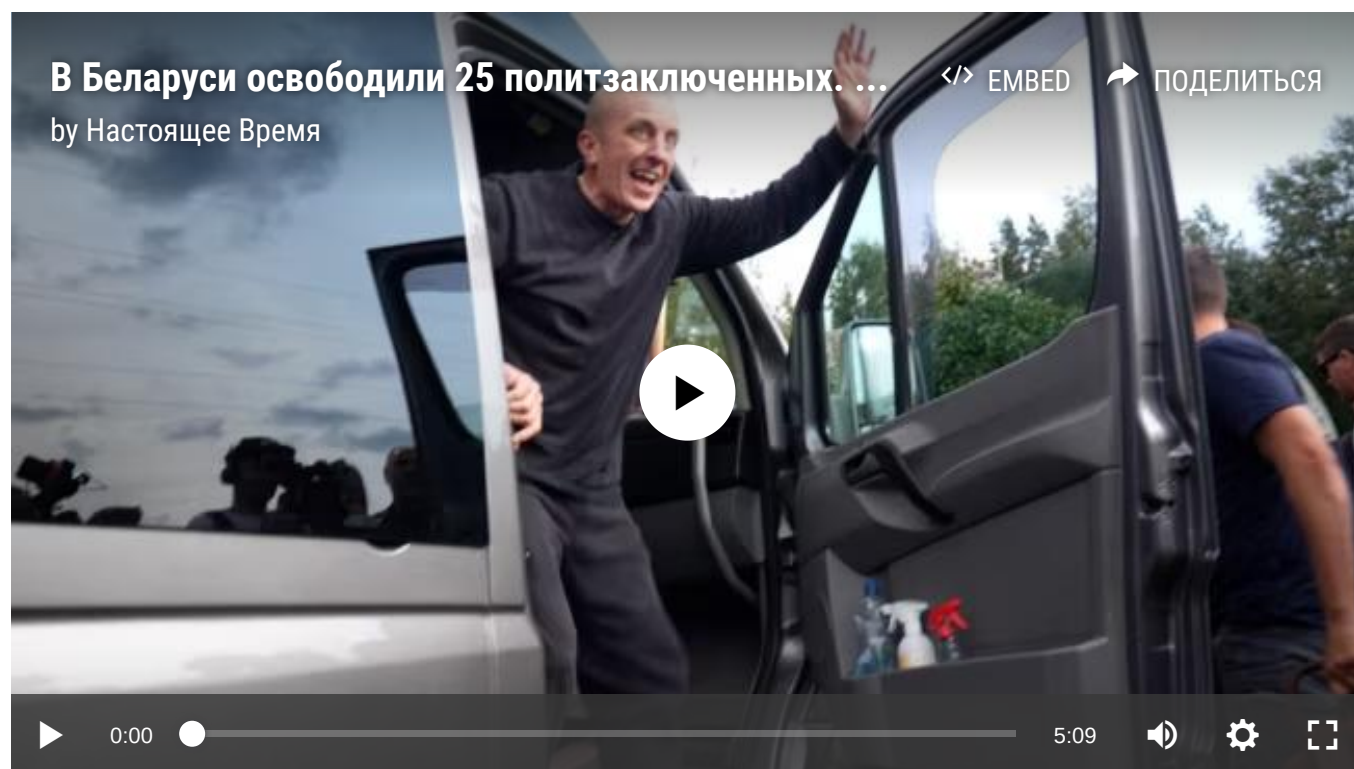
новых политзеков. Джон Коул в интервью для Настоящего Времени с журналистом Радио Свобода Артемом Радыгиным рассказал о потеплении отношений между Вашингтоном и Минском после возвращения Дональда Трампа в Белый дом в январе 2025 года, а также о дальнейшем развитии дипломатических отношений.

– В марте были освобождены 250 белорусских политзаключенных, а на прошлой неделе – всего 25. Замечательно, что 25 человек вышли из тюрьмы, но все же очень интересно, что произошло. Почему число освобожденных сократилось?

– В общей сложности было освобождено от 800 до 900 заключенных, иногда за один раз освобождали 150 человек, а иногда – 14. Я освобождаю столько людей, сколько удастся освободить на данный момент. Ожидается, что в рамках последних переговоров, которые еще продолжаются, в самом ближайшем будущем нам удастся добиться освобождения еще ста с лишним человек, и мы сделаем это... надеюсь, примерно через месяц.

– Какие вопросы нужно решить, чтобы это стало реальностью?

– В прошлом мы снимали некоторые санкции, чтобы добиться освобождения людей, и теперь нам нужно убедиться, что банки и компании в Соединенных Штатах понимают, что означает снятие санкций, то есть что в принципе можно вести бизнес в этой сфере. Нам нужно вернуться к этому вопросу и кое-что здесь привести в порядок.

– Лидер белорусской оппозиции в изгнании Светлана Тихановская утверждает, что Лукашенко "продает" заключенных, чтобы добиться снятия санкций. Получается, что

эти сделки, обеспечивающие снятие санкций, побуждают Лукашенко арестовывать как можно больше людей, чтобы ему было что обменивать на ослабление санкций?

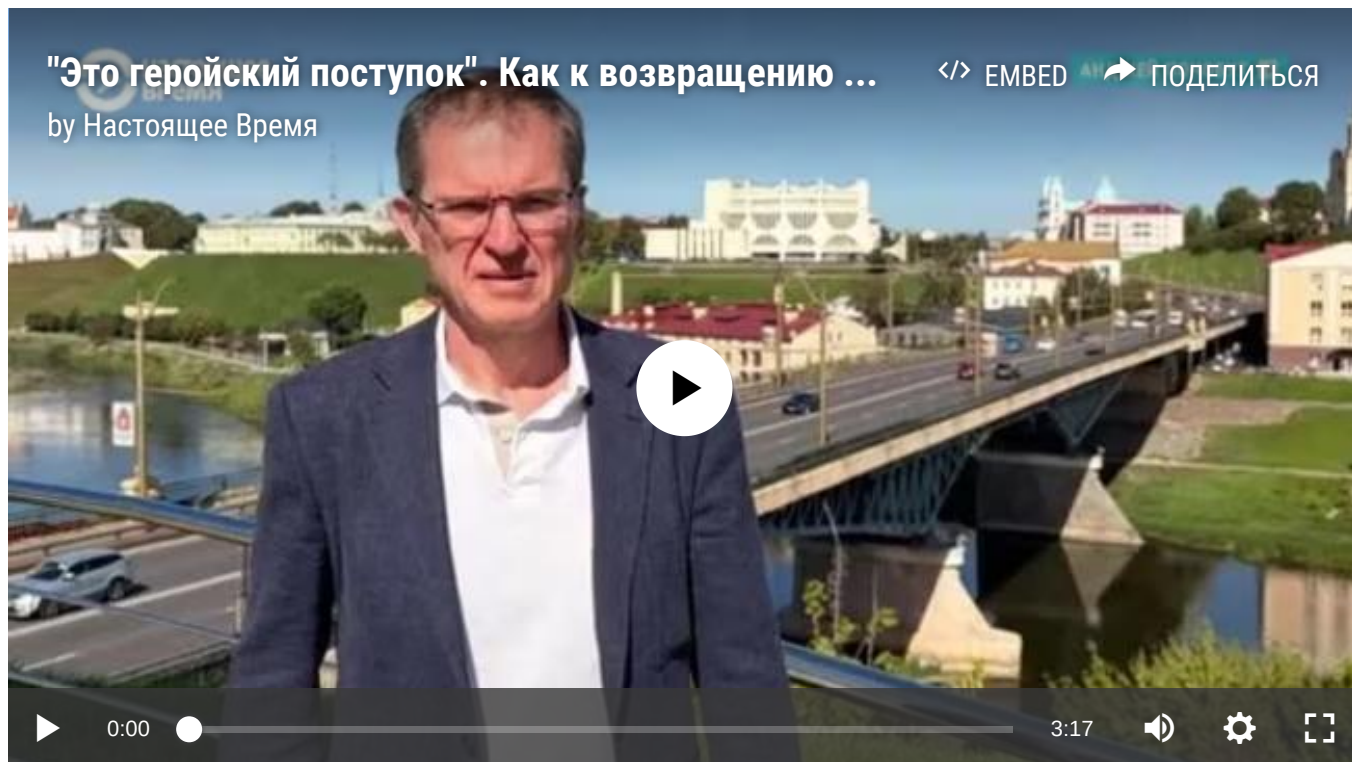
– Не знаю... Все, с кем я разговариваю, называют разное число людей, которых сейчас арестовывают. Я не знаю, какова реальная цифра. Но если Лукашенко обменивает политзаключенных на ослабление санкций, меня это устраивает, потому что именно я смотрю в глаза освобожденным и вижу, что для них значит свобода. Для меня это гораздо важнее каких-то политических вопросов, которые могут волновать людей со стороны. Моя задача и задача Соединенных Штатов – гуманитарная: помогать людям. Если мне удастся освободить 25 человек – прекрасно. Если удастся освободить 200 – тоже прекрасно. Так мы на это смотрим. У Светланы может быть свое мнение, а у меня – свое.

– А как на это смотрит Лукашенко? Он не признает, что освобожденные благодаря вашему посредничеству люди являются политзаключенными. Как вы ему на это ответили?

– Я называю их политзаключенными. Если он хочет, чтобы я называл их кроликами, лишь бы он согласился их освободить, – пожалуйста, мне все равно. Если он считает, что это не политзаключенные, пусть так и считает. Я просто знаю, что это люди. Для меня вся эта терминология действительно не имеет значения. Для других она может быть важна, но для меня – нет.

– Есть ли у ваших визитов в Беларусь какие-либо другие цели, помимо освобождения политзаключенных?

– Да, конечно. Речь идет не только о политзаключенных. Еще одна цель – добиться, чтобы белорусские власти вели себя лучше, чем, на мой взгляд, они вели себя по отношению к некоторым своим соседям, чтобы мы могли вернуть Беларусь в сообщество наций. И они с этим согласны. Последние полтора года мы продвигаемся буквально по дюйму – и, думаю, прогресс есть. Но Лукашенко остается во главе страны и у него есть союзник – Путин, так что все сложно. Но я думаю, что было бы лучше, если бы Беларусь поддерживала хорошие отношения с остальным миром. Как мне кажется, они пытаются это сделать.

– С чего вы взяли, что Беларусь можно успешно реинтегрировать в сообщество наций?

– Они пытаются это сделать, все движется в этом направлении. Я не то чтобы уверен, но у нас есть прогресс. Поэтому я думаю, что мы движемся в правильном направлении. Завтра ничего не изменится, это процесс. Главный союзник Лукашенко – Россия, Беларусь – один из немногих союзников, которые есть у России. Им самим придется с этим разбираться, не мне.

– Вы ранее упомянули, что хотите сначала урегулировать вопрос с Беларусью, а уже потом заняться Россией. Каков будет ваш подход к Кремлю?

– Я могу заниматься и тем, и другим. Я продолжу то, чем я занимаюсь в Беларуси. Кроме того, я разговаривал с Уиткоффом и Кушнером на предмет обмена гражданскими заключенными.

– Есть ли какие-то подвижки в вопросе об американских гражданах, которые сейчас находятся в России?

– Речь не только об американских гражданах: я также хотел бы вернуть некоторых россиян и украинцев в их страны.

– Лукашенко в своих интервью говорил, что предлагает Дональду Трампу и другим лидерам свои услуги посредника в отношениях с Кремлем. Рассматривает ли Дональд Трамп Лукашенко как потенциального посредника?

– Думаю, потенциально – да, потому что между Путиным и Лукашенко существуют отношения, которым уже больше 30 лет. Они друзья. Один из них – старший брат, другой – младший, но они друзья и разговаривают друг с другом, причем постоянно. Лукашенко довольно часто ездит в Москву. Он мог бы быть полезен как посредник между сторонами в войне, в вопросах, связанных с войной.

– Сейчас, когда мы следим за новостями об обмене заключенными, речь всегда идет о том, что какие-то санкции снимаются. Кто решает, какие именно санкции выносятся на обсуждение перед освобождением заключенных?

– Что касается Беларуси, решаю я; затем я разговариваю с госсекретарем или непосредственно с президентом, и мы проходим определенную процедуру: Джон Коул считает, что нам следует снять санкции с того, того и того, и это либо одобряется, либо мне говорят: "Это делать нельзя, а вот это можно".

– Что для вас успех?

– Если удалось освободить людей из тюрем, увидеть, как они воссоединяются со своими семьями, это успех. Мы выходим [из тюрьмы], иногда семьи уже предупреждены или послы соответствующих стран приходят их встретить, мы даем им телефоны, чтобы они могли позвонить своим близким; семьи понятия не имеют, что они уже на свободе – это очень радостное событие. Вот так я и оцениваю успех.

– Хотелось бы вернуться к обмену гражданскими заключенными между Россией и Украиной. В каком состоянии сейчас этот процесс и каковы его перспективы?

– Думаю, он начинается. Идея уже на столе, и когда я вернусь в Вашингтон, я буду продвигать ее дальше, потому что считаю это важным делом.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

Литва выслала 22 гражданина Беларуси: они работали в компании, имевшей связи с ВПК России и Беларуси

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

Интервью

Актуальное

